

К 28(09)

Ф 79

Ф 79

К 40-летию ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

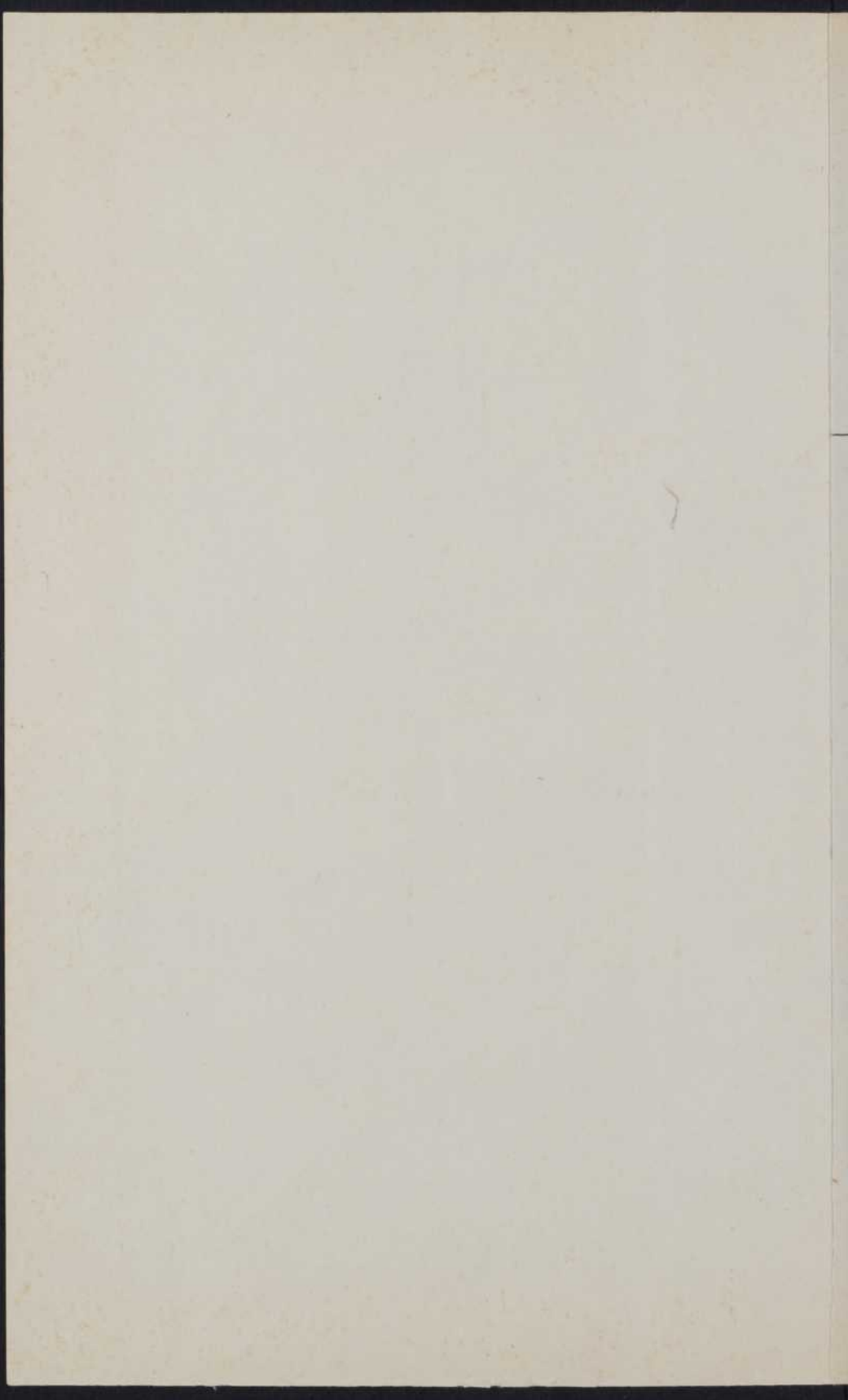
**ФОРПОСТ
НА ВОСТОКЕ**

**1935
1985**

40-ЛЕТИЕ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ

ФОРПОСТ НА ВОСТОКЕ

Литературно-художественный и
историко-публицистический сборник

Иркутск
Восточно-Сибирское
книжное издательство
1985

к 28.1 (092) + 68.4P (2Poc-43ад)

к 28 (92) + 355.С
Ф 79

Ф 79

Читинская областная
БИБЛИОТЕКА
С. О. А.
краеведения

Э К

сп

545360

Читинская областная
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина

2023

013

© Восточно-Сибирское
книжное издательство, 1985

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Ордена Ленина Забайкальскому — пятьдесят. Полвека в строю, полвека на боевом посту находится наш прославленный военный округ, надежно оберегая восточные рубежи Советской Отчизны. Пройденный им путь и труден, и славен. Он пролегал сквозь яростный огонь былых сражений, отмечен обелисками и сединой тех воинов-зabayкальцев, что свершили беспримерный подвиг во имя свободы и независимости социалистической Родины; он вобрал в себя судьбы миллионов бойцов и командиров, их мужество, доблесть и героизм, и предстает перед нами как волнующая летопись человеческой стойкости и благородства, величия духа, верности присяге, беззаветного служения делу ленинской партии и своему народу. И о нем, славном пути округа нашего, повествует эта книга.

«Вечен народ, не утративший историческую память», — писал лауреат Ленинской и Государственных премий СССР Юрий Бондарев. Непобедим солдат, чьи силы питает эта священная память, в чьи молодые руки, когда время сменяет караулы, передается негасимый факел подвига наших отцов, дедов и прадедов — бесстрашных бойцов революции, покрывших славой былинной алой стяги своих полков. Память о подвиге, свершенном в военное лихолетье, память о тех, кто стоял у истоков боевой славы и округа нашего, в разные годы укреплял его, дает каждому из нас сознание своей кровной причастности к каждой странице его истории, своей неотъемлемости от дней вчерашних и дней сегодняшних, а значит и от нашего завтра, защищать которое нам выпало на земле за седым Байкалом. И ничто не может затмить этой исторической памяти, точно так,

как не иссякнуть живительным родникам революционных, боевых и трудовых традиций партии Ленина, народа советского, его Вооруженных Сил. Потому что сегодняшние воины-забайкальцы, как и их предшественники, свято помнят и следуют наказу героев Хасана и Халхин-Гола, гражданской и Великой Отечественной войн:

Все, что мы защищали, и вам защищать,
Все, что мы завещали, и вам завещать.
Потому что свобода не знает цены...
Будьте долгу верны, дорбым думам верны.

Большое видится на расстоянии. У нашего расстояния — пять десятилетий, которые по своей значимости в жизни страны, насыщенности событиями, героике и выпавшим на долю советских людей испытаниям равны столетию. Вспомним лишь первую из этих пяти страниц биографии округа — 1935—1945 годы. Только-только рассеялся дым на полях халхин-гольских сражений и травой порастить не успели окопы, еще болью в материнских сердцах отзывались воспоминания о событиях на КВЖД и в строю находились ветераны гражданской войны, как вновь зазвучала призывно труба, и забайкальцы, поднятые по тревоге, ушли на фронты Великой Отечественной и заняли окопы напротив японских позиций. Их разделяли тысячи километров, те забайкальские полки и дивизии, что сражались против гитлеровских полчищ и что стояли здесь, на востоке, с жесточайшим приказом «Огонь не открывать!». Но они делали одно великое, общее дело, каждый день, каждый час приближая Победу. И подвиг забайкальцами был свершен не только в битвах под Москвой, Сталинградом, городом Ленина на Неве, под Курском и на днепровских кручах, не только на просторах освобожденной от фашизма Европы, но и здесь, за Байкалом, в годы противостояния японской Квантунской армии и в августовские дни сорок пятого, когда «сверкнул удар фронтов дальневосточных короткой, очистительной грозой».

Да, все это не подлежит забвению и никогда, во веки веков не будет отправлено в архивы истории. Это — самое святое для нас, наша гордость и боль, духовное богатство и наша нестареющая память, маршрутами которой поведет тебя, читатель, эта книга, открывая перед тобой и пропахшие порохом страницы биографии нашей, и неброскую, суровую красоту и величие тех людей, чья молодость прошла в солдатских и офицерских шинелях на героической земле нашего края.

Нелегкая, но воистину славная судьба досталась ордену Ленина Забайкальскому военному округу. Образован он был в мае 1935 года, однако свою родословную ведет с января 1918 года, с сабельных походов и партизанских рейдов гражданской войны, с тревожных, полных драматизма 1920—1922 годов. Там, в том времени — его истоки, его начало, его предыстория, без которой невозможно во всей глубине понять героической летописи округа, написанной людьми бессмертного подвига. Именно в те первые годы государства нашего, когда отряды Сергея Лазо шли «на бой кровавый» против банд атамана Семенова, когда на алтарь социалистического отечества приносили жизни свои сотни, тысячи красногвардейцев и партизан, когда в совместных боях с унгерновцами рождалось и крепло наше боевое братство с народом революционной Монголии, когда бойцы и командиры Нарревармии Дальневосточной республики под руководством пролетарского маршала В. К. Блюхера громилы белогвардейцев и иностранных интервентов и воспеты были «штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни», когда кавалеристы К. К. Рокоссовского держали на замке границу и вели борьбу с бандитизмом, контрреволюционным отребьем, когда потушен был разгоравшийся огонь военного конфликта на КВЖД, — именно тогда, в ту пору ковались наши слава и традиции. И тогда, в те далекие годы, родилось такое понятие, как «забайкальская закалка». Закалка, которую прошли в различное время Маршалы Советского Союза Л. И. Брежнев, В. К. Блюхер, Г. К. Жуков, М. В. Захаров, И. С. Конев, П. К. Кошевой, С. К. Куркоткин, Р. Я. Малиновский, К. С. Москаленко, В. И. Петров, К. К. Рокоссовский, главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, генералы армии П. А. Белик, А. П. Белобородов, П. А. Курочкин, Д. Д. Лелюшенко, А. А. Лучинский, В. А. Пеньковский, И. А. Плиев, И. И. Федюнинский, Г. И. Хетагуров, маршал бронетанковых войск П. П. Полубояров, маршал войск связи А. И. Леонов, маршалы авиации Д. А. Огольцов, С. А. Худяков, Г. П. Скориков и многие другие видные советские полководцы и военачальники. Закалка, которой гордились и гордятся все воины-забайкальцы и про которую говорится в родившейся и ставшей популярной в довоенные годы песне:

Кто учился в Забайкалье воевать,
Тот в любом бою сумеет устоять.
Крепок духом, силой воли боевой,
Забайкалец наш всегда передовой.

Говоря сегодня об истоках и боевых традициях округа, его трудной судьбе и героях, правомерно будет вспомнить и основные вехи его истории, неразрывно связанной со славной летописью страны нашей, всей Восточной Сибири и Дальнего Востока. Это важно потому, что его образованию предшествовала огромная, поистине титаническая работа В. И. Ленина, Коммунистической партии и нашего государства, местных партийных и советских органов по установлению и упрочению Советской власти в Забайкалье и на Дальнем Востоке, а также по вооруженной защите восточных рубежей нашей Родины. Вспомним телеграммы В. И. Ленина в Иркутск и Читу, вспомним ленинский план создания буферного государства и заботу Владимира Ильича о формировании и укреплении Народно-революционной армии ДВР. Нарревармии постоянно оказывалась по инициативе В. И. Ленина огромная финансовая и материальная помощь, в Читу посылались оружие, боеприпасы, снаряжение, в части и соединения НРА были отправлены лучшие командиры, военачальники и политические работники, имеющие фронтовой опыт, — прославленные герои гражданской войны. Среди них — В. К. Блюхер, И. П. Уборевич, Н. Д. Томин, А. Я. Лапин, С. С. Вострецов, И. Я. Строд, крупные партийные деятели П. П. Постышев, П. А. Кобозев, Н. А. Кубик и многие другие.

Светом ленинского гения озарены все победы Народно-революционной армии. В октябре 1922 года Владимир Ильич телеграфировал в Читу Председателю Совета Министров ДВР: «К пятилетию победоносной Октябрьской революции Красная Армия сделала еще один решающий шаг к полному очищению территории РСФСР и союзных с ней республик от войск иностранцев-окупантов. Занятие Народно-революционной армией ДВР Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма. Приветствуя с этой новой победой всех трудящихся России и героическую Красную Армию, прошу правительство ДРВ передать всем рабочим и крестьянам освобожденных областей и города Владивостока привет Совета Народных Комиссаров РСФСР». А в речи на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 года, оценивая этот подвиг Нарревармии, В. И. Ленин подчеркивал то, что «к окончанию войны сделан шаг, кажется, достаточно решительный: сброшены в море последние силы белогвардейцев».

Важной вехой в предыстории нашего округа было создание в августе 1921 года на основании приказа Военного совета НРА и флота ДВР Восточно-Забайкальского окружного воинского управления в Чите, которое охватывало территорию Забайкальской и Прибайкальской областей Дальневосточной республика и подчинялось ее военному министру. Через некоторое время, в ноябре того же года, оно было реорганизовано в управление ЗаБВО.

В мае 1922 года Забайкальский военный округ был упразднен, его управление расформировано, а войска подчинены Военному совету НРА и флота ДВР. В июне 1924 года расположенные в Забайкалье войска и военные учреждения были включены в Сибирский военный округ.

6 августа 1929 года, в связи с событиями на КВЖД и в целях обеспечения безопасности советских дальневосточных границ, была создана Особая дальневосточная армия, в состав которой вошли все войска, расположенные на территории Дальневосточного края, Бурят-Монгольской АССР и Иркутского округа Сибирского края, а также передислоцированные из центральных районов страны 21-я и 35-я стрелковые дивизии. В свою очередь армия разделилась на две группы войск — Приморскую и Забайкальскую; последняя включала 35-ю и 36-ю стрелковые дивизии, 5-ю отдельную Кубанскую кавалерийскую бригаду, отдельный Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион и несколько мелких частей и подразделений. Позднее в состав группы вошла 21-я Пермская Краснознаменная территориальная стрелковая дивизия. В таком составе Забайкальская группа войск под командованием героя гражданской войны С. С. Вострецова принимала участие в разгроме китайско-маньчжурских милитаристов во время конфликта на КВЖД.

Суровая необходимость, рост агрессивности и милитаризации империалистической Японии вынудили Советское правительство в середине тридцатых годов принять очередные меры по обеспечению безопасности восточных рубежей Родины. В мае 1935 года на базе управления Забайкальской группы войск Особой Краснознаменной дальневосточной армии был образован Забайкальский военный округ, территория которого включала Восточно-Сибирский край и Якутскую АССР. В состав ЗаБВО из ОКДВА были выделены 11-й механизирован-

ный корпус, 5-й тяжелый авиационный корпус, три стрелковые и две кавалерийские дивизии.

Первым тяжелым испытанием для частей Забайкальского военного округа явилось участие летом 1939 года совместно с частями монгольской Народно-революционной армии в боевых действиях против японских агрессоров в районе реки Халхин-Гол. И это испытание забайкальцы выдержали с честью — за отличие в боях 6 соединений и частей были награждены орденом Ленина, а 19 — орденом Красного Знамени. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа и 17 ноября 1939 года семидесяти воинам было присвоено звание Героя Советского Союза, а летчики Я. В. Смушкевич, Г. П. Кравченко и С. И. Грицевец первыми в нашей стране стали дважды Героями Советского Союза. Рагные подвиги более 17 тысяч командиров, политработников и красноармейцев были отмечены орденами и медалями Советского Союза, а 326 воинов Красной Армии были удостоены правительственных наград МНР.

Неувядаемой славой покрыли воины-забайкальцы свои боевые знамена в годы Великой Отечественной войны. На базе Забайкальского военного округа по решению Ставки ВГК 15 сентября 1941 года был создан Забайкальский фронт. «Ежечасно, ежеминутно быть на боевом посту — таков был патриотический долг воинов Забайкалья, всего Дальнего Востока, — вспоминая то суровое время, писал бывший воин-забайкалец, ныне Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Георгий Марков. — В первые же дни войны с немецкими захватчиками стало очевидно, что их союзники на Дальнем Востоке — японские империалисты — будут делать все, чтобы осложнить и без того трудное положение Советского Союза. Забайкалье становилось не только школой подготовки боевых резервов для действующей армии, оно наряду с войсками Дальневосточного фронта принимало на свои плечи все тяготы, всю ответственность по защите неприкосновенности советских рубежей на Дальнем Востоке».

Сорок лет прошло с тех пор, как отгремели последние залпы великой народной битвы с фашизмом и самураями. На фронтах Отечественной и здесь, на востоке, забайкальцы свершили беспримерный подвиг, которому жить в веках. За мужество и отвагу, стойкость и массовый героизм свыше двадцати забайкальских формирований получили гвардейское наименование, более пяти-

сот воинов стали Героями Советского Союза, более ста — полными кавалерами ордена Славы.

В октябре 1945 года, после разгрома империалистической Японии, на базе полевого управления Забайкальского фронта был образован Забайкальско-Амурский военный округ, который в мае 1947 года был переименован в Забайкальский военный округ. Первоначально территория ЗаБВО включала Читинскую область и Бурят-Монгольскую АССР, а с 1953 года — Якутскую АССР и Иркутскую область, до этого входившие в Восточно-Сибирский военный округ.

15 января 1974 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за большой вклад в укрепление оборонной мощи Советского государства и его вооруженной защиты, успехи в боевой и политической подготовке наш округ был награжден орденом Ленина и стал именоваться ордена Ленина Забайкальским военным округом.

Таковы основные вехи славной истории орденосного Забайкальского военного округа, полувековой юбилей которого совпал с празднованием 40-летия Победы советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. И в этом совпадении воинам-забайкальцам видится особый смысл, ведь обе юбилейные даты — День Победы и 50-летие округа — это праздники «со слезами на глазах».

Но наш рассказ не только об истоках, не только об истории. Эта книга поведет тебя, читатель, маршрутами памяти в день сегодняшний, прослеживая поколений неразрывную связь, утверждая непреложную истину о том, что традиции сильны продолжением. Внукам и правнукам штурмовавших Зимний, детям сокрушивших рейхстаг и прошедших через Гоби и Большой Хинган наша партия дала вечный огонь — ленинизм. Убеленные ранним снегом седин ветераны вручили им свое оружие и передали знамена полков, под сенью которых прошла их тревожная молодость. Они завещали нынешним воинам-забайкальцам самое святое, самое дорогое на свете — мирный день и безопасность Советской Отчизны. Они завещали славу земли забайкальской и готовность по первому зову матери-Родины встать на защиту революционных завоеваний социализма, нашего народа.

И нынешнее поколение вооруженных защитников восточных рубежей Отчизны достойно высокой славы героев. Святостью братских могил, мужеством павших в сраженьях, сединами своих матерей и радостным сме-

хом младших сестер и братьев поклялись воины восьмидесятых с честью выполнять свой патриотический и интернациональный долг, быть надежным стражем Советской Родины, мирных завоеваний социализма. И присяге своей солдаты и сержанты, прапорщики и офицеры верны.

Воины-забайкальцы глубоко, со всей ответственностью понимают свои задачи, возложенные на них партией, советским народом в наше тревожное время. Международный империализм во главе с империалистами США усиленно толкает мир к ядерной катастрофе. На полную мощь раскручен маховик гонки вооружений. «Реакционные империалистические круги,— отметил на Всеармейском совещании секретарей комсомольских организаций товарищ К. У. Черненко, — не могут примириться с главной тенденцией современного мирового развития... Поэтому они и стремятся вести международные дела, действуя с позиции силы, стараются нарушить закономерный ход истории. Отсюда их невиданные по размаху программы вооружений. Отсюда их настойчивые попытки сломать военно-стратегическое равновесие». Уберечь от пожара термоядерной войны землю наших отцов и дедов — в этом священный долг, в этом миссия наша, ради этого держим в руках мы оружие. И об этом рассказывается в книге, посвященной полувековому пути ордена Ленина Забайкальского военного округа.

Разумеется, она не могла вобрать в себя все страницы героической летописи забайкальцев. В то же время это и не история округа — исторический очерк о нем уже издан, в Иркутске и Воениздате (Москва). Задача данного сборника — впервые собрать и обобщить имеющийся литературно-художественный и историко-публицистический материал, повествующий о мужестве и героизме воинов-забайкальцев различных поколений, помочь не только армейской молодежи, но и самым широким массам читателей лучше узнать о славном прошлом и дне настоящем ордена Ленина Забайкальского военного округа. Ведь его летопись — это частичка истории Иркутской и Читинской областей, Бурятии и Якутии, это те пожелтевшие и совсем новенькие фотографии, что висят в красном углу и деревенской избы, и городской квартиры, что бережно хранятся в альбомах каждой семьи; это яркое свидетельство неразрывной слитности армии и народа, того великого единства, которое является источником наших побед.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСТОКИ

ПОЛЫХАЛА ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА...

Мы победили потому, что лучшие люди всего рабочего класса, всего крестьянства проявили невиданный героизм в этой войне с эксплуататорами, совершали чудеса храбрости, переносили неслыханные лишения, жертвовали собой, изгоняли беспощадно шкурников и трусов.

В. И. Ленин

Я. П. Жигалин

В ВОСЕМНАДЦАТОМ ГРОЗНОМ ГОДУ*

(ИЗ КНИГИ «ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ ЗАНИМАЛИ ГОРОДА»)

Домой, в Забайкалье

Старая царская армия разваливалась. Особенно быстро процесс разложения проходил после Октябрьской революции. На Кавказе еще не было Советов, но отголоски Октября дошли и до Кавказской армии. Части самочинно покидали фронт и уходили в Россию. 2-й Читинский полк не был исключением. Продав лошадей и с боем захватив вагоны, полк двинулся на родину, в Забайкалье. В Тифлисе к нему примкнул я и Д. С. Шилов.

У Ачинска наш эшелон встретила цепь красногвардейцев с пулеметами. От нас потребовали сдачи всего оружия. Мы пытались говорить о революционных настроениях полка, но никакие уговоры не помогли. Нам сказали, что есть категорическое указание из Иркутска от Центросибири (высшая революционная власть в Сибири) о разоружении полка, и пояснили, что прошедший до нас с Западного фронта с оружием 1-й Читинский полк по прибытии в Читу пытался разоружить рабочую Красную гвардию. Мы, посоветовавшись, решили сдать оружие, хотя некоторые горячие головы... предлагали пробиваться с боем. Нам оставили только одну винтовку для часового.

Когда подъезжали к Иркутск, Д. С. Шилов предложил полковому комитету определенно выявить наше

---

* Все материалы сборника печатаются с сокращениями.— ред.

отношение к Советской власти и внес проект резолюции. После долгих, жарких споров была принята такая декларация:

«В грозный час, переживаемый нашей родиной и революцией, мы твердо заявляем, что мы, казаки, будем действовать в полном единении со всей остальной революционной демократией: рабочими, солдатами и трудовым крестьянством, оберегая все завоевания революции. Ни один из нас не пойдет за ставленниками буржуазии, есаулом Семеновым и генералом Хорватом, считая их предателями не только революции, но и родины...»

22 января 1918 года наш полк прибыл в Иркутск и остановился на станции Иннокентьевская. Мы с Шиловым поехали в Центросибирь, чтобы выяснить наше положение и, самое главное, узнать, что делается в Чите. Здесь впервые я встретился с Сергеем Лазо. Он, как член военного отдела Центросибири, рассказал нам о положении дел в Чите, но сказал, что у него нет более подробных сведений. Кроме него, в военном отделе были еще Блюменфельд, Зотов и Башаев. Мы информировали их о положении в полку и познакомили с декларацией полкового комитета. Нам посоветовали срочно сменить старых командиров и двигаться в Читу, так как установление Советской власти там задерживается, ибо у читинских большевиков нет реальной военной силы, на которую они смогли бы опереться.

Мы заявили, что сменить старых командиров будет нетрудно, двигаться в Читу готовы, так как казаки рвутся домой, но полк безоружен, поэтому не может служить опорой для переворота в Чите. «Дайте нам оружие,— сказал Шилов,— и полк немедленно двинется на Читу».

Не знаю, почему нам не дали оружия в Иркутске: его не было, или по другой причине, но заверили, что немедленно затребуют из Ачинска наши винтовки и вышлют вслед нам в Верхнеудинск, где полк может задержаться на некоторое время. Прибытие с фронта революционного полка будет иметь большой политический эффект.

Для проведения общего полкового собрания с нами на станцию Иннокентьевская поехал Башаев, который сделал краткий доклад о текущем моменте. Затем была оглашена и единодушно принята собранием резолюция полкового комитета. А потом приступили к вопросу о смене старого командования. Как мы и ожидали, этот

вопрос не вызвал особых возражений. Председательствующий на собрании Софронов предложил называть кандидатуры на должность командира полка. В полковом комитете этот вопрос не был проработан, и с выдвижением кандидатуры получилась заминка. Тогда Шилов предложил мою кандидатуру. Вопрос поставили на голосование. Я был искренне огорчен избранием, так как не чувствовал себя способным занять такой ответственный пост. Полковой комитет и Шилов обещали мне полную поддержку и свое обещание сдержали. С полковым комитетом мы работали очень дружно. Особенно близко сошлись с его председателем Софроновым.

На собрании казаки потребовали ареста нелюбимых офицеров. Были арестованы и оставлены в Иркутске командир полка полковник Силинский, его помощник войсковой старшина Темников и хорунжий Еремеев. Остальные офицеры остались в полку, но многие из них лишились командных должностей. В этот день казаки особенно хорошо почувствовали, какие права им дала революция.

В тот же день мы двинулись дальше.

Долго ночью не спал я, размышляя над событиями дня. Мог ли я, простой сельский учитель, думать о таком большом повороте в моей судьбе. Я никогда не мечтал даже о том, чтобы стать хотя бы инспектором народных училищ, тем более мне показалось бы диким, если бы кто-нибудь сказал, что я буду полковником. Даже будучи прапорщиком, я, как сугубо мирный человек, никогда не думал о военной карьере... И вот революция сделала меня командиром полка.

23 января наш полк прибыл в Верхнеудинск (Улан-Уде). Здесь нас встретил 1-й Верхнеудинский казачий полк во главе с выборным командиром В. Кожевниковым, бывшим вахмистром. Оказалось, что всего несколько дней назад в Верхнеудинске была установлена Советская власть.

В Верхнеудинске

В полковом комитете 2-го Читинского полка шло бурное заседание. Стоял вопрос, идти ли дальше в Читку, где заседал эсеров-меньшевистский Народный Совет, не признававший Советской власти, или ждать в Верхнеудинске прибытия с Западного фронта 1-й Забайкальской казачьей дивизии.

— Ехать в Читу нам нельзя,— говорил, заикаясь, председатель полкового комитета Софронов.— Чита не признает Советской власти. А мы безоружны... Нет, надо подождать здесь подхода с Западного фронта 1-й Забайкальской дивизии, в которой настроение революционное и старые командиры заменены выборными.

Выступивший за ним Д. С. Шилов сказал:

— Не доверять нам и разоружить наш полк у Красной гвардии были достаточные основания. Ведь весь наш полк шел под командой старых царских офицеров. Ведь командиром полка был все тот же полковник Силинский, который выслал теперешнего командира т. Жигалина из полка с фронта в Тифлис для предания военному суду за большевистскую агитацию. Известны также контрреволюционные настроения и многих других офицеров полка. Ясно, что по прибытии в Читу они продолжали бы грязное дело 1-го Читинского полка по разоружению Красной гвардии и при первой возможности открыли путь в Читу атаману Семенову. Хорошо, что мы догадались в Иркутске сменить старых командиров на выборных. Я не согласен с товарищем Софроновым, чтобы здесь ждать подхода 1-й дивизии. Когда она подойдет, еще неизвестно. Нам в Иркутске обещали затребовать из Ачинска отобранное у нас оружие и прислать сюда. Да, кроме того, надо и здесь поискать оружие. Верхнеудинский Совет обещал нам помочь в этом.

Я поддержал предложение Шилова и добавил:

— Учтите, товарищи, что наши казаки сейчас рвутся домой. У них боевое настроение. Но долго сидеть здесь без дела опасно. Уже были отдельные случаи самовольного отъезда из полка. Надо послать представителей в Иркутск и поторопить Центросибирь с оружием. И здесь надо еще поговорить с Кожевниковым. Наше дело общее, и верхнеудинцы должны помочь нам, поделиться оружием. Кроме того, надо съездить в Березовку, там в запасной сотне осталось мало народу и должны быть лишние винтовки.

Решили послать Шилова и меня в Верхнеудинский Совет, в 1-й Верхнеудинский полк и в запасную сотню. Начали собирать оружие.

В это время из Читы прибыла делегация Народного Совета в составе меньшевика А. А. Войлошникова, правого эсера Г. П. Перфильева и социал-демократ-интернационалиста Н. М. Матвеева, стоявшего на платформе Советской власти.

На закрытом заседании полкового комитета Матвеев рассказал о том, как 1-й Читинский полк, придя с фронта в Читу, разоружил рабочую Красную гвардию, о том, что офицерство и буржуазия втайне ждут прихода атамана Семенова, а меньшевики и эсеры устроили в Народном Совете говорильню и мечутся между двух огней. Они не хотят прихода большевиков и боятся Семенова, так как он обещал вместе с большевиками перевешать и меньшевиков.

Договорились с Матвеевым: полку необходимо принять все меры к быстрейшему вооружению, а читинские большевики должны разработать план переворота, подготовить Красную гвардию и рабочих и сообщить о том условной телеграммой.

Полковой комитет 2-го Читинского полка помещался в классном вагоне. Тут же ели и спали. В один из январских вечеров в купе, занимаемом Шиловым и мной, собрались А. А. Софронов, А. А. Черепанов, Григорий Эпов, Абрам Федоров и Кузьма Литвинцев. Обсуждали итоги дня. Оказалось, что полк мог рассчитывать на получение из разных источников всего трехсот винтовок. Часть из них — заграничные, с небольшим запасом патронов. С таким вооружением идти на Читу, где был хорошо вооруженный гарнизон, рискованно.

После долгих разговоров Шилов горячо сказал:

— В Чите есть рабочая Красная гвардия, большевистская партийная организация, казаки, которые ненавидят офицеров и поддерживают нас. Впрочем, нужна осторожность.— Подумав, Шилов предложил:— Я поеду в Читу один, узнаю настроение в гарнизоне, как готовятся читинские большевики к встрече нашего полка. Обо всем сообщу вам...

— Правильно говорит Митя!— заявил я.— А мы пока здесь будем собирать оружие и готовиться по первому сигналу из Читы двинуться туда.

На том и порешили.

На другой день из Иркутска в Верхнеудинск приехала делегация в составе Бялыновича — от Центросибири, С. С. Киргизова — от 1-й Забайкальской казачьей дивизии и еще трех представителей от других полков. Делегация направлялась в Читу нелегально, чтобы прощупать настроения частей читинского гарнизона и принять участие в подготовке советского переворота. Ознакомившись с положением в Верхнеудинске, делегация двинулась в Читу. От 2-го Читинского полка в

ее состав были включены А. А. Черепанов и Абрам Федоров.

Получив условную телеграмму от Матвеева, 2-й Читинский полк 2(15) февраля выступил из Верхнеудинска. Железнодорожники дали нам «зеленую улицу», и рано утром 3 февраля полк прибыл на станцию Чита-1-я. Настроение казаков было приподнятое. Более трех лет назад, в январское утро 1915 года, мы отсюда уходили на фронт, на Кавказ.

Но домой еще нельзя, совесть не велит. Надо закончить начатое великое дело — революцию. Как можно ехать домой, когда еще буржуи не добиты, когда Чите угрожает контрреволюционный Семенов и в родном Забайкалье еще не установлена Советская власть!

Переворот в Чите

Читинский Народный Совет уже был политическим трупом, и не он решал судьбу революции. Забайкалье и, в частности, Чита все более становились местом столкновения двух непримиримо-враждебных социальных сил: контрреволюции — в лице атамана Семенова и революции — в лице Советов, опиравшихся на широкие народные массы, на революционно настроенных казаков-фронтовиков. Народный Совет был как бы раздавлен между этими борющимися силами.

В начале января 1918 года читинская буржуазия и белогвардейщина ликовали, встречая пришедший с Западного фронта 1-й Читинский казачий полк.

Семенов уже высчитывал дни, когда торжественно вступит в Читы.

Но в это время с запада подул другой ветер.

В Верхнеудинск прибыл с фронта 1-й Верхнеудинский казачий полк под командой выборных командиров. Узнав об этом, войсковой атаман Забайкальского казачьего войска Зимин 20 января 1918 года послал в полк телеграмму: «Прошу арестованных офицеров освободить. Приказания офицеров исполнять беспрекословно. Войсковой атаман Зимин». В ответ на эту телеграмму 1-й Верхнеудинский полк на общем полковом собрании вынес такую резолюцию: «Общее собрание 1-го Верхнеудинского полка категорически протестует против приказа войскового атамана Зимина и находит, что время для таких приказаний прошло... соб-

Читинская областная
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина

545360

рание выносит атаману Зимину порицание за недемократическое обращение к полку».

На Дальнем вокзале наш полк 16 февраля встретили представители штаба переворота во главе с Киргизовым. Встреча была теплая, но без помпы. Обстановка требовала, чтобы город пока не знал о приходе полка. В плане переворота элемент внезапности мог иметь очень большое значение.

На кратком совещании полкового комитета и командиров сотен мы ознакомились с хорошо разработанным планом захвата власти. Было намечено занять вокзал, почту, телеграф, телефонную станцию и другие важные объекты, арестовать наиболее видных контрреволюционеров, в первую очередь офицеров. Штаб переворота находился в бывшем губернаторском доме.

Я с сотней казаков должен был занять реальное училище, где, по сведениям, находился штаб белогвардейцев и хранилось оружие. Но на самом деле там ни того, ни другого не оказалось. В это время командир 1-го Читинского полка и начальник гарнизона полковник Комаровский с женой вышел на свою обычную утреннюю прогулку. У реального училища его задержали казаки 2-го Читинского полка. Он громко возмутился и грозил им арестом. Но ему сказали, что они казаки 2-го Читинского полка и подчиняются только своему командиру. Он был крайне удивлен, узнав, что 2-й Читинский полк прибыл в Читу. Полковника привели ко мне.

Комаровский слышал, что я являюсь выборным командиром полка и, подойдя ко мне, подчеркнуто грубо отрекомендовался:

— Я полковник Комаровский! По какому праву ваши казаки задержали меня?

— А я командир 2-го Читинского полка,— ответил я.— Задержали вас по праву революции.

— Я протестую и требую освободить меня!— возмутился Комаровский.— Это незаконно!

— Напрасно горячитесь, полковник,— ответил я.— Мы хотим установить Советскую власть, которую вы не признаете, и поэтому мы вас обязаны пока задерживать, а там видно будет, что с вами делать. Жена же ваша может быть свободна.

В гостиницах «Даурия» и «Селект» было арестова-

но несколько десятков офицеров, которые беспечно спали после обычных ночных кутежей.

Штаб переворота представлял собой развороченный муравейник. Приходили и уходили казаки в фронтовых потрепанных шинелях и папахах и красногвардейцы в рабочих куртках и пальто, группами и в одиночку. Приводили арестованных. Сновали взад и вперед посыльные. Отдавались распоряжения и приказания. Все спешили, говорили, кричали, и трудно было понять, что тут происходит.

В это время шло заседание партий и организаций, стоящих на платформе Советской власти. Постановили организовать временную власть Комитета советских организаций, куда входили представители большевиков, левых эсеров, социал-революционеров-максималистов, анархистов, а также представители казачьих частей и отрядов Красной гвардии. Руководящая роль в Комитете принадлежала большевикам. Были организованы комиссариаты — военный, внутренних дел, финансовый, продовольственный и другие. Председателем Комитета был избран член РСДРП с 1898 года В. Н. Соколов.

Да, это было горячее время! Бесконечные заседания разных комитетов, дни, наполненные кипучей революционной работой. И лишь изредка выпадали минуты краткого отдыха.

Народный Совет продолжал заседать, призывал гром и молнии на голову большевиков. Наконец, Комитет решил распустить Народный Совет, что с успехом выполнил С. С. Киргизов.

Вскоре после переворота в Чите собрались представители всех девяти казачьих полков, пяти батарей и запасного дивизиона, приняли пространное воззвание к казачьему населению Забайкалья, в котором разоблачались ложь и обман соглашательских партий меньшевиков и эсеров, а также буржуазного временного правительства, говорилось об установлении подлинно народной Советской власти во главе с Лениным и призывались все казаки к борьбе с атаманом Семеновым.

Атамановщина

В то время как Октябрьская социалистическая революция победоносно двигалась на Восток, в Маньчжурии вспухал гнойник контрреволюции — белогвар-

дейская банда есаула-забайкальца Г. М. Семенова. Этот заклятый враг большевиков в 1917 году получил от Керенского поручение сформировать в Забайкалье отряд для борьбы против немцев на фронте. Не встретив поддержки у казаков, Семенов набрал в Маньчжурии отряд из китайских хунхузов и полудиких монгольских племен баргутов и харченов. Но пока Семенов набирал отряд, произошла Великая Октябрьская революция. Тогда Семенов объявил себя атаманом Забайкальского казачьего войска с целью борьбы против Советов. К нему стали стекаться бежавшие от большевиков царские офицеры.

Организация Семеновым контрреволюционного отряда проходила далеко не гладко. Помимо материально-финансовых трудностей перед атаманом стояла сложная задача по объединению и сплочению самых различных элементов — от аристократов-офицеров типа князя Кекуатова и барона Унгерна до полудиких кочевников. Конечно, не о какой единой политической платформе здесь не могло быть и речи. Даже среди наиболее, казалось бы, однородной части отряда — среди офицеров, бежавших от большевиков, — наблюдались различные политические убеждения. Тут были и откровенные монархисты и эсеры-учредилловцы.

Показ своей «деятельности» Семенов начал с того, что 1 января 1918 года со своей бандой разоружил солдат дружины станции Маньчжурия, арестовал членов Совета рабочих депутатов и объявил себя начальником гарнизона. Следующим «реальным действием» Семенова была «конфискация», или попросту грабеж, денег и товаров в русской таможне на станции Маньчжурия. Эта «операция» дала Семенову несколько десятков тысяч рублей и много ценных товаров. Большинство захваченных в таможне товаров разошлись по рукам офицеров.

Вскоре Семенов назначил в таможню своего уполномоченного есаула Токмакова, который аккуратно забирал доходы таможни на организацию антибольшевистского особого маньчжурского отряда (ОМО).

В январе 1918 года в отряде насчитывалось 577 человек, в том числе 74 офицера, 3 чиновника, 300 баргутов, 80 монголов и 120 казаков и бурят.

Уже одно это краткое перечисление состава ОМО достаточно говорит о реальной силе, на которую опирался Семенов. На две трети отряд состоял из наем-

ных полудиких монгольских племен, пришедших к Семенову исключительно из-за жалованья. Вторая по численности группа — казаки и буряты — состояла из обманутых Семеновым людей, соблазненных возможностью легкой, пьяной и сытной жизни; лишь незначительную часть этой группы составляли зажиточные казаки, защищавшие от большевиков свои тысячные стада баранов, рогатого скота и табуны лошадей.

С этими «силами» 29(16) января Семенов перешел границу и повел наступление вдоль железной дороги Маньчжурия — Чита. Свою «боевую» деятельность атаман Семенов начал с разгона совдепа станции Маньчжурия. Несколько человек были повешены. Получив сообщение об их убийстве, эсеро-меньшевистский Читинский Народный Совет послал Семенову запрос, правда ли, что им расстреляны члены Маньчжурского совдепа? Семенов телеграфировал, что они «не расстреляны, а повешаны». А затем в запломбированном вагоне трупы их прислал в Читу.

Дойдя до станции Оловянная, Семенов со своим «войском» не рискнул идти на Читу и занялся мобилизацией казаков. Но она проходила туго. При своем продвижении семеновские банды бесчинствовали, грабили, избивали население и этим еще более оттолкнули от Семенова бедняцко-средняцкую часть казаков.

С установлением в Чите Советской власти перед нами вплотную встал вопрос борьбы с Семеновым. Но кого послать против него? Казаки 1-го и 2-го Читинских полков разъехались по домам. Рабочая Красная гвардия была малочисленна и не обучена. Сохранил боеспособность только пришедший позднее 1-й Аргунский полк. Вот его и решили послать против Семенова.

Для отпора атаману Семенову был создан штаб фронта в составе: командующий фронтом С. Г. Лазо, недавно прибывший из Иркутска; его заместитель Ф. Е. Балябин; помощник командующего по восточному флангу Г. Н. Аксенов; комиссар штаба Г. П. Богомяков и начальник штаба П. К. Голиков. Позднее, в связи с наступлением белочехов, П. К. Голиков стал командующим Прибайкальским фронтом. А начальником штаба был назначен Русскис.

В конце февраля 1-й Аргунский полк и отряд Красной гвардии под общим командованием С. Лазо выступили против Семенова.

Сосредоточив свои силы на станции Адриановка,

Лазо повел энергичное наступление, выбил Семенова из Оловянной и гнал до станции Даурия, которая и была занята 1 марта 1918 года.

Отступление Семенова при численном превосходстве над красными можно объяснить только полной небоеспособностью его отряда из-за разнородности его состава, отсутствия внутренней спаянности. Лазо правильно понял, что изгнание Семенова — только передышка, которую надо использовать для подготовки к новым боям.

Так же понял это и проходивший в Чите 3-й областной съезд Советов Забайкалья. 28 марта съезд отметил опасность нового выступления Семенова и постановил избрать областной Военно-революционный штаб в составе семи человек, в который вошел и я. Съезд постановил объявить мобилизацию в Красную Армию казаков и крестьян, призываемых в 1918 году, и призывников 16 и 17 годов, не бывших на фронте.

Получив от своих хозяев — японцев и других империалистов — большую помощь деньгами, вооружением и снаряжением, Семенов начал лихорадочно готовиться к новому походу против Советов. По данным, опубликованным в книге «Атаман Семенов», написанной одним семеновцем и изданной за границей в 1919 году, приступая к организации ОМО, Семенов имел в кассе «всего-навсего 83 390 рублей 55 копеек». Но потом к нему начался широкий приток денежной помощи. В феврале и марте Семенов получил от Англии 500 тысяч рублей, от Франции с марта по август — 4 071 000 рублей и от Японии в течение 1918 года — 3 106 428 рублей. Таким образом, только денежное содержание семеновской банды Англии, Франции и Японии в 1918 году обошлось в 7 677 428 рублей. И это не считая мелких подачек, полученных от японских капиталистов Сираказа и Катаока и от русских харбинских, владивостокских и других купцов и промышленников.

Разумеется, помимо денежных подачек, Семенов получал большую помощь вооружением и обмундированием. Так, десятитысячная семеновская «грабьярмия» была вооружена японскими винтовками и пушками и, не жалея, стреляла японскими патронами и снарядами.

Не закончив полностью формирование нового отряда, Семенов 5 апреля снова перешел границу и начал продвигаться вдоль железной дороги к Чите. Конечно, не случайно, что это выступление совпало с началом

прямой интервенции Японии и Англии, высадивших во Владивостоке свои первые вооруженные отряды. 5 апреля 1918 года во Владивостокский порт вошли крейсера: японский — «Ивами» и английский «Суффольк».

К моменту выступления отряд Семенова насчитывал примерно до трех тысяч человек при 15 орудиях.

Опрокинув небольшой красногвардейский отряд на станции Даурия, Семенов начал быстро продвигаться вперед. Его первоочередной задачей было занятие узловой станции Карымская, чтобы отрезать Амур и Приморье и остановить вывозку грузов из Владивостока.

Формирование сил

11 апреля, когда семеновцы уже дошли до Оловянной, облисполком выпустил воззвание к населению о борьбе с Семеновым.

Основным резервом для формирования отрядов Красной гвардии в Чите были железнодорожные мастерские. В особо трудные моменты здесь выносились решения о записи всего мужского населения в Красную гвардию. Приходилось сдерживать массовое вступление в отряд, так как это могло вредно отразиться на работе железной дороги. Большинство рабочих, не знакомых с военным делом, приходилось наспех обучать. Обучением руководил сам Лазо, и мне не раз приходилось видеть его за этим делом.

Самыми боеспособными красногвардейцами были бывшие военнопленные венгры и немцы. Они знали военное дело и были дисциплинированы. Поэтому они сыграли значительную роль в борьбе с семеновцами. Отряд интернационалистов под командованием Зингера и Омаста насчитывал до девяти сот человек.

По указанию Центросибири в Читу начали прибывать отряды Красной гвардии из Иркутска, Черемхово, Ачинска, Новониколаевска, Барнаула, Омска и даже Кургана. Все они направлялись в Адриановку, где Лазо формировал из них боевые группы и готовился к встрече с Семеновым.

По окончании 3-го областного съезда Советов депутаты разъехались по местам и занялись организацией отрядов Красной гвардии. В казачьих станицах обсуждались два документа: приказ Семенова о мобилизации в его отряд и воззвание областного съезда Сове-

тов об организации Красной гвардии. Как правило, везде фронтовики, поддерживаемые беднотой, выносили решение в пользу Советов.

Так, в апреле 1918 года организовались отряды Красной гвардии в станице Копунской под руководством П. Атавина и С. А. Бутина, в станице Зоргольской — под руководством П. Г. Пешкова и Я. Жигалина и в Газимурском заводе — под командованием В. Г. Кожевникова. Позднее эти три отряда объединились в одну кавалерийскую бригаду, известную под названием Копзоргаз (первые слоги названия отрядов).

В Нерчинске сформировался отряд под командованием Тетерина (Петрова). В Александровском Заводе была организована одна из самых боеспособных революционных частей — 1-й Советский пехотный полк под командованием позднее прославленного полководца забайкальских партизан П. Н. Журавлева.

Так в тяжелой классовой борьбе рождалась Красная гвардия в забайкальской деревне, выковывались и закалялись ее командиры. Четырехмесячный опыт борьбы Красной гвардии Забайкалья против бандатмана Семенова в 1918 году широко и успешно использовался забайкальскими партизанами в тяжелой затяжной войне с белогвардейцами и японцами в 1919—1920 годах.

Константин Седых

ДАУРИЯ

(ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА)

Над траурно-черной, выженной палом степью ярко сияло апрельское солнце. С утра разгулявшийся ветер клубил травяную золу на пожарище, расстилал по широкой равнине завесы летучей пыли. На высокой железнодорожной насыпи, прямой, как стрела, стоял и глядел в бинокль на юг Сергей Лазо. Он был в застегнутой наглухо шинели. Ветер рвал с его забинтованной головы фуражку с опущенным на подбородок ремешком, трепал за плечами защитного цвета башлык.

Ночью его малочисленные, изнуренные недельными непрерывными боями отряды под сильным орудийным

огнем противника оставили станцию Борзя. Подготовленный к взрыву мост через речку Борзию взорвать не удалось. Команда подрывников была уничтожена засевшими у моста диверсантами. Узнав об этом, Лазо повернул и повел в контратаку на мост спешенный эскадрон Бориса Кларка. Но было уже поздно. Высаженная с бронепоезда семеновская пехота окапывалась на северном берегу реки. Встреченные гранатами и штыками красногвардейцы с большими потерями отошли назад. В полуверсте от станции осколком случайно залетевшего снаряда Лазо был ранен в голову.

Свою отступающую пехоту нагнал он у одного из разъездов между Хада-Булаком и Оловянной. С трудом держась на ногах, собрал он командиров и приказал немедленно окапываться, разбирать железнодорожное полотно, готовить большой минированный завал. На какой-то срок это могло задержать противника, главной силой которого были бронепоезда.

Едва рассвело, как стал он ждать появления бронепоездов, но время подходило к полудню, а их все не было. Только гонимые ветром кустики перекасти-поля бежали к разъезду с юга, как наступающие перебежками солдаты.

В двенадцать часов на разъезд примчался с запада паровоз. Замедляя постепенно ход, он подошел почти вплотную к завалу на пути, у которого сидели и занимались перекуркой усталые красногвардейцы. С него легко спрыгнул на насыпь рослый и широкоплечий человек в фуражке с красным околышем, в крытой синим сукном казачьей татарке. По широкой размахистой походке еще издали Лазо узнал в нем члена Центросибири и члена областного ревштаба Дмитрия Шилова, бывшего учителя и офицера военного времени.

Превозмогая головокружение, Лазо медленно и прямо пошел к нему навстречу, крепко сжав обветренные губы. Шилов умерил шаг и, щеголяя отменной выправкой, готовился принять его рапорт, но, увидев на его голове окровавленную повязку, забыл про всякую официальность и с тревогой в голосе спросил:

— Ты что, ранен, Сергей?

— Немного царапнуло,— виновато улыбнулся Лазо и вскинул руку под козырек:— Разрешите доложить обстановку, товарищ член ревштаба.

— Да, да... Если не трудно, расскажи, что у тебя делается.

— Сегодня ночью пришлось оставить Борзю. Противник имеет огромное превосходство в силах. У него, по крайней мере, пять батарей и дивизион бронепоездов, а у нас ни одного орудия.

— Артиллерия будет в твоём распоряжении только завтра к вечеру. В Карымской я обогнал эшелон Иркутского коммунистического отряда. Иркутяне везут с собой шестиорудийную полевую батарею. Едут на фронт матросы-дальневосточники. В Восточном Забайкалье спешно создаются и уходят на фронт отряды добровольцев. Там Георгий Богомяков и Фрол Балябин сколачивают наши аргунские полки. Вчера утверждено твоё назначение командующим всеми частями этого фронта, который решили именовать Даурским. Начальником твоего штаба назначен Русскис, помощником по политической части — наш забайкалец Василий Андреевич Улыбин. Они едут к тебе с иркутянами.

— Вот это приятные новости, — воскликнул, слегка картавя, Лазо и на смуглых упругих щеках его проступил горячий румянец, ожили и заблестели черные, с едва заметным косым разрезом глаза. Но тут же блеснувшая в них радость сменилась выражением озабоченности. Строго и с некоторым недоумением он спросил:

— Неужели не нашли на этот важный пост более опытного товарища, чем я?

— Не нашли, Сергей! Твоя кандидатура оказалась наиболее приемлемой. Даже Матвеев сказал про тебя, что ты молодой, да ранний, — щуря удивительного зеленого цвета глаза, сказал Шилов. И задиристо добавил: — Тебе остается только доказать, что мы не ошиблись.

— Нелегко это сделать, но... постараюсь, товарищ Шилов.

— Да, а ведь я забыл тебе сказать о самом главном, — пощипав свои тощие усики, снова заговорил Шилов. — Есть телеграмма Ленина Владивостокскому совдепу. — И он передал ему содержание телеграммы.

— Очень своевременное предупреждение, — твердо и убежденно сказал Лазо. — Теперь совершенно ясно, откуда у Семенова и артиллерия и бронепоезда. Японцы спешат с помощью этого проходимца отрезать Дальний Восток от Советской России. Он очень добросовестно служит им, но сегодня что-то подкачал. Бронепоездов до сих пор не видно.

— Еще успеет нажать, не беспокойся,— сказал Шиллов.

На другой день под вечер иркутяне, которых было четыреста с лишним человек, прибыли на разъезд. Орудия быстро перекочевали с платформы на землю. Лазо распорядился немедленно выкатить их на полверсты за красногвардейские окопы. Там для них отрыли капониры справа и слева от линии. К утру хорошо замаскированные пушки были подготовлены для стрельбы прямой наводкой. Самые лучшие наводчики дежурили у них, и одним из этих наводчиков был сам Лазо.

Утром на восходе солнца возник на горизонте серый дымок. Все красногвардейцы немедленно затаились в своих укрытиях. Семеновский разведывательный бронепоезд «Атаман» не спеша подходил к разъезду. Десятки глаз смотрели с него во все стороны и не видели никакой опасности. Дойдя до разобранного пути, он остановился, три орудия его уставились на видневшийся впереди завал.

И в эту минуту ударили по нему с двух сторон красногвардейские пушки. Били они с расстояния в триста-четыре метра. Два снаряда сразу же угодили в паровоз, пробив броню и разорвались в его огненном чреве. Огромное облако белого пара рванулось к небу, окутало все вагоны, ослепив семеновских артиллеристов. Красногвардейцы закричали «ура».

Не помышляя о сопротивлении, семеновцы выскочили из бронированных коробок и побежали врассыпную на юг. Когда рассеялся пар, их заметили и стали обстреливать. А потом за ними пустились в погоню кавалеристы Кларка, находившегося за бугром на одной линии с красногвардейскими пушками. Скоро они переловили всех уцелевших семеновцев, среди которых было человек пятнадцать японцев, усатый великан черногорец, два горбоносых румына, китайцы и даже один грек. Красногвардейцы разглядывали пленных и смеялись:

— Вот это да!.. Со всех стран по солдату. И где только Семенов их выкопал?

— На Харбинской барахолке... Румыны-то: хвати, так скрипачи, ребята.

— А грек наверняка шарманщик...

— Нет, он скорее всего краденное скупал... Спроси-ка его, за каким чертом он воевать пошел?

Совсем другие разговоры шли у захваченного бро-

непоезда. Низенького роста красногвардеец, в желтых обмотках, с винтовкой за плечами и двумя гранатами на поясе, громко сетовал:

— Эх, путь-то не вовремя разобрали! Знатье, так повременили бы. И ловко же товарищ Лазо придумал. Только что теперь с этими коробками делать будем?

— Революции служить заставим. Повернем пушки в другую сторону — приходи, кума, париться...

Во второй половине дня показались еще два неприятельских бронепоезда. С большого расстояния принялись они обстреливать разъезд. Но когда красные артиллеристы вlepили в один из них пару снарядов, они уползли обратно и больше не появлялись. Только кавалерийские разъезды маячили до позднего вечера на дальних увалах и сопках.

Предвидя, что скоро Семенов обрушится на него всеми силами, Лазо развил кипучую деятельность. После личной рекогносцировки окрестностей занялся он укреплением своих позиций. На случай обходного движения семеновской конницы выдвинули на сопки справа и слева от линии два небольших отряда. Батарейцы перевезли свои пушки на новое место, оборудовали наблюдательные пункты и связали их с батареей телефонными проводами. На разъезде, позади первой линии окопов, рыли вторую, строили блиндажи, способные выдержать прямое попадание трехдюймового снаряда. Беседуя с красногвардейцами, Лазо говорил:

— Завтра, товарищи, легкой удачи не будет. Зарывайтесь поглубже в землю. Сейчас попотеем, да зато в бою уцелеем.

Умытая первым обложным дождем, радостно зеленела неоглядно-широкая степь. Голубое от края до края, отступило на огромную высоту и казалось бездонным залитое светом небо. Сверкая, переливался нагретый воздух, сплошными коврами цвели на буграх подснежники, пели жаворонки, синели в лощинах озера, белые чайки вились над ними.

Шумно и людно было в тот день на широких степных дорогах. Преследуя разбитого у Адриановки и Могойтуя противника, красногвардейские части на широком фронте подходили к Онону. Краснели в летучей пыли знамена пехотных колонн, сверкали штыки, далеко разносился глухой и мерный топот. Молодцеватые,

окрыленные успехом бойцы шагали размашисто и легко. Обгоняя их, пронеслись с веселым цоканьем копыт эскадроны конницы. А впереди, за конусообразными невысокими сопками, все бухали и бухали тугие пушечные удары, горели подожженные семеновцами переправы на Ононе, кружились в задымленной синеве и тревожно перекликались орлы.

По тракту, проходившему рядом с железнодорожной линией, двигалась большая колонна Дальневосточного социалистического отряда. Возглавляли колонну коренастые, широкоплечие люди в бескозырках и темно-синих форменках, шагавшие четким, кованым шагом. Грудастые, рослые лошади — по восемь штук в упряжке — везли четыре дальнобойных морских орудия и зеленые зарядные ящики на высоких колесах. Не жалея усилий, помогали лошадям на подъемах и спусках бравые артиллеристы с карабинами за плечами.

На придорожный, усеянный бело-синими подснежниками курган, впереди колонны, вылетела группа всадников на рыжих и гнедых конях. Завидев их, матросы распрямились, пошли веселее. Плотный усатый командир в коричневой кожанке, шагавший сбоку колонны, узнал в одном из всадников Сергея Лазо. Поправив на голове бескозырку, повернулся он к матросам, скомандовал:

— Даешь, братва, песню! Вижу впереди командующего.

Тотчас же в середине колонны встрепенулся щеголеватый молодой морячок с закрученными в колечки черными усиками, с отчаянными серыми глазами. Трянув головой, набрал он полную грудь воздуха и завел высоким, удивительно чистым голосом:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...

— «Варшавянку» запели! — сказал на кургане Лазо, обращаясь к своим ординарцам, и на смуглом лице его заиграла довольная юношеская улыбка... А в песню уже врывались легко и стремительно десятки других голосов:

В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут, —

самозабвенно и радостно выговаривали высоко взмывшие тенора, и, словно накатывающийся раскатами гром, с грозной решимостью вторили им басы. Еще не за-

мерли в знойном воздухе страстно звеневшие подголоски, как вырвался из глубины колонны гордый мужественный припев. И долго бушевал над степью могучий прибой голосов:

На бой кровавый, святой и правый
Марш, марш вперед, рабочий народ!..
На баррикады! Буржуям нет пощады.
Марш, марш вперед, рабочий народ!

Лазо галопом спустился с кургана. Круто осадив гнедого с белой звездой на лбу коня, поздоровался с переставшими петь матросами. Крепко отбивая шаг, держа равнение, они ответили дружно и преданно:

— Здравствуйте, товарищ командующий!

Командир в кожанке, поправляя маузер на боку, подбежал к Лазо:

— Прикажете остановить колонну?

— Ни в коем случае, товарищ Бородавкин. Надо спешить и спешить. Бронепоезд «За власть Советов» и красногвардейцы Недорезова ворвались в Оловянную. Семеновцы удрали за Онон и спешно укрепляются на прибрежных высотах. Нужно сбить их оттуда как можно скорее. На ваших матросов я крепко надеюсь. У нас нет ни лодок, ни паромов. Матросы должны по фермам взорванного моста перебраться на ту сторону сегодня ночью. Это трудно, но возможно. Прибыв в Оловянную, немедленно осмотрите мост и подступы к нему на обоих берегах. Вечером доложите мне свой план броска через реку.

— Ясно, товарищ Лазо! Разрешите догонять колонну?

— Догоняйте,— откозырял ему Лазо и поехал навстречу артиллеристам, среди которых уже заприметил знакомую фигуру Федота Муратова.

— Ну, казак, ужился с матросами?

— Ужился,— расплылся в улыбке Федот.— Это такие парни, которым сам черт не страшен. А я таких обожаю — воевать с ними одно удовольствие... Понеслись вчера на нашу батарею семеновцы с пиками наперевес. Было их человек триста. Летят они с фланга, а у нас в прикрытии ни одного тебе пролетария. Жуть меня взяла, а морячки не растерялись. Повернули моментально свои пушки и окропили их в упор картечью, да так, что человек двести положили. Хорошо стреляют и труса никогда не празднуют.

— Вы ему шибко не верьте,— обратился к Лазо

круглолицый, с желтыми усиками матрос и со смехом добавил:— Это он подмазывается к нам, боится, чтобы его из батареи не вытурили, как самую последнюю контру.

— А разве есть за что?

— Водку любит, а мы трезвенники. Зарок у нас — пока не угробим Семенова, ни капли в рот не брать...

Уезжая от артиллеристов, Лазо слышал, как Федот с обидой в голосе выговаривал матросу:

— Осрамил ты меня, Васька, а еще другом считаешься. Теперь мое дело — хоть сквозь землю провались. И какой тебя леший за язык дернул?

— А ты не пей, если другом быть хочешь, — наставительно сказал матрос.

«Серьезный морячок», — рассмеялся про себя Лазо и обернулся, чтобы еще раз поглядеть на него.

Через полтора часа он был уже в расположении Первого Аргунского полка, вновь сформированного и приведенного на фронт бывшими его офицерами, большевиками Метелицей, Богомяковым и Бронниковым. Аргунцы стояли в степи под Цугольским дацаном — известным на все Забайкалье буддийским монастырем, — а штаб их разместился в заезжем монастырском доме.

Увидев с пригорка дацан, Лазо остановился и долго разглядывал поразивший его своей архитектурой красно-белый трехэтажный храм, над которым носились большие голубиные стаи. Черепичная крыша храма с круто загнутыми сверху углами, с белыми трубами в жестяных колпаках, увенчанная в центре башенкой, напоминала ему китайские пагоды, снимки которых он видел совсем недавно, просматривая в библиотеке читинского музея «Летопись войны с Японией».

— Ты знаешь, товарищ Лазо, сколько в дацане живет лам? — спросил его один из ординарцев.

— Каких лам?

— Ну, монахов, по-нашему... Их ведь тут пятьсот человек. Один другого жирнее да толще. Бывал я прежде с отцом на бурятских праздниках и нагляделся на этих бездельников. Они тут против нас такую агитацию разводят, аж уши вянут. А буряты — народ темный, верят им, из-за этого и чураются нас, хотя только с нами и по пути им.

— Постараемся пресечь эту агитацию. Подберем преданных нашему делу грамотных бурят и пошлем по

улусам. Сегодня же я посоветуюсь на этот счет с кем следует,—сказал Лазо и, хлестнув коня нагайкой, помчался в дацан.

Заезжий монастырский дом стоял среди обширного обнесенного оградой из серого камня двора. В одной из его просторных и неприглядных комнат с небелеными стенами сидели за длинным некрашеным столом комиссар полка Георгий Богомяков и Василий Андреевич Улыбин. Они пили из зеленых солдатских кружек горячий чай и вели разговор о Лазо.

— Удивляюсь необычайной выносливости этого человека,—говорил кареглазый и курчавый, порывистый в движениях Георгий Богомяков, всеобщий любимец полка.— Он все время на ногах, все время в движении. Он не спал две ночи и определенно не уснет до тех пор, пока мы не перейдем Онон. Казалось бы, ему давно пора свалиться от усталости, а он все носится по степи из части в часть. Пока я не познакомился с ним поближе, меня смущала его молодость. Но в данном случае она не помеха, а великое преимущество.

— Преимущество, да еще какое!—улыбнулся в густые каштановые усы Василий Андреевич и расстегнул воротник своей гимнастерки.— Я вот, к примеру, чуть что, и расписался, а Сергей усталости не знает. Но меня удивляет не эта его железная выносливость. Я поражен его необычайной, многогранной одаренностью, редким и счастливым сочетанием самых благородных человеческих качеств. От него так и веет интеллектуальной мощью, высокой нравственной красотой. Он прекрасный математик, блестящий шахматист, непревзойденный оратор и вместе с тем невероятно скромный, до смешного застенчивый в быту человек. Я знаю его уже полгода и все не перестаю в душе восторгаться им, радоваться, что есть в нашей партии такие люди.

— Я не знаю всех его способностей, но знаю, что он определенно родился полководцем,—сказал, поднимаясь, Богомяков.— Бой под Адриановкой показал, на что он способен. А ведь человеку только двадцать три года и за плечами у него не академия генерального штаба, а всего лишь школа прапорщиков военного времени.

— Да, под Адриановкой он сделал смелый и неожиданный ход. Исключительно вовремя бросил он ваш полк в тыл противника, когда, забыв о своих флангах,

Семенов стремился во что бы то ни стало захватить станцию. Сколько верст вы тогда прошли за сутки?

— Не меньше ста двадцати верст. Мы вырубали до двух батальонов семеновской пехоты и наделали такого переполоха, что атаман сразу повернул назад. От пленных потом мы узнали, что наш полк показался ему за дивизию, как прошлись мы у него по тылам с правого фланга на левый...

— Я видел Сергея на митингах и видел в бою,— помолчав, заговорил Василий Андреевич.— Если, стоя на трибуне, он умеет находить самые простые и доходчивые слова, то в бою умеет быстро принимать правильные решения и почти мгновенно находить способ осуществить их. Он расчетлив, распорядителен и абсолютно бесстрашен...

В это время в комнату, гремя шашкой, вошел командир полка Метелица, красивый широкоплечий человек в серой каракулевой папахе. Услыхав последние слова Василия Андреевича, он рассмеялся и сказал:

— Абсолютно бесстрашных людей, товарищи комиссары, по-моему, вообще не существует. Это просто красивая фраза — не больше.

— Ну, это как сказать,— загорячился Богомяков.

— Да ты сперва выслушай, что я тебе скажу,— присел к столу Метелица.— Я видел в своей жизни много смелых командиров. Видел азартных и отчаянных, которые везде и всюду бросаются первыми в бой. Наконец, я встречал просто хладнокровных и мужественных людей. Но даже и там всегда бросалось в глаза, что хладнокровие их напускное, спокойствие необычное. Никогда они не забывали и не могли забыть, что подвергают себя опасности.

— А вот представь себе, что Лазо не похож на таких людей.

— Это верно,— поддержал Богомякова Василий Андреевич,— в самом опасном положении Сергей остается в сущности таким же, как всегда. Никакой напряженности, никакого волнения ты не увидишь на его лице. Он так спокоен, так внимателен ко всему происходящему, словно не знает и не хочет знать, что его могут убить. Иногда мне кажется, что ему совершенно безразлично — останется он в живых или нет.

— Нет, таким он представляется только тебе. На самом же деле он просто владеет нервами лучше нас, грешных. А страх смерти это такая штука, которая живет и будет жить в каждом человеке.

— Страх страхом,— ответил ему Богомяков,— но есть чувство более сильное, чем страх.

— Например?

— Например, чувство ответственности за порученное дело, чувство долга. Когда мысль всецело занята этим, люди просто забывают о такой неприятности, как смерть. Лазо, по-моему, относится именно к этому сорту людей.

— Возможно, не отрицаю,— согласился Метелица и, взглянув в окно, воскликнул:— А вот и сам виновник нашего спора пожаловал. Ничего не скажешь, легок на помине.

Лазо быстрыми шагами вошел в комнату, негромко, слегка картавя, поздоровался:

— Здравствуйте, товарищи!— и сразу же обратился к Василию Андреевичу:— И когда ты успел обогнать меня? Давно здесь?

— Да уже часа два.

— Пока я не забыл, попрошу тебя провести такое дело. В ближайшие два-три дня возьми на учет всех красногвардейцев из бурят, выбери из них самых грамотных и разошли их по окрестным улусам. Пусть они расскажут своим сородичам о том, что представляет из себя Красная гвардия, за что она воюет с атаманом Семеновым.

— Хорошо, сделаю.

— Ну, а теперь, товарищи, рассказывайте, каковы у вас здесь дела?— обратился Лазо к Метелице и Богомякову.

— Дела неплохие. Ни одного семеновца на этом берегу Онона не осталось,— вытянув руки по швам, сказал Метелица.

— Разведку на ту сторону не посылали?

— Послали. Выбрали десяток самых смелых казачков, которые не боятся воды, и перемахнули они у нас через Онон вплавь.

— Без коней?

— Нет, почему же без коней. Именно с конями. Иначе здесь не переплыть — течение слишком быстрое. Хорошие кони с ним справляются, а люди не могут. Наши хлопцы переправлялись, вцепившись в хвосты и гривы. Скоро должны они таким же манером назад вернуться.

Лазо на минуту о чем-то задумался, затем спросил:

— Ну, а если взять да пустить по следам разведки весь ваш полк? Возможно это?

— Попытаться, конечно, можно, но дело рискованное. У кого кони к воде привычны, те переплывут, а за остальных не поручусь, перетонут.

— Я вас очень прошу подумать над этим. Если бы удалось хоть половину полка переправить на ту сторону, мы легко сбили бы семеновцев с сопки у линии железной дороги. Иначе там с нашей стороны будут большие жертвы — реку придется форсировать под огнем. Топтаться на месте нам некогда, мы должны наступать, чтобы покончить с Семеновым прежде, чем окажутся у нашей границы японские дивизии из Мукдена и Порт-Артура. Быстрым разгромом семеновской банды мы лишим их удобного повода для вторжения в Забайкалье.

— Раз такое дело, будем думать о переправе, — согласился Метелица, — только надо перед этим еще разок съездить на берег Онона, выбрать место поспособнее.

— Тогда давайте немедленно отправимся. Только учтите, что переправляться нужно поздно вечером или даже ночью. Вы должны появиться на той стороне и обрушиться на белогвардейцев, как снег на голову.

Метелица рассмеялся:

— Мы еще и о дневной переправе не договорились, а ты уже новое требование предъявляешь. В темноте совсем трудно будет...

Он стремительно катил сверкающую на солнце желтоватую воду. Много бурных водоворотов выделялось на его поверхности. Вода там пенилась и бешено крутила. Пока командиры искали место с более спокойным течением, на правом берегу появилась разведка аргуцев. Привязав к седлам снятую с себя одежду и оружие, разведчики стали переправляться обратно. Лазо видел, как смело и уверенно действовали они. Сводя коней на поводу в воду, они вцепились им в гривы и поплыли. Коня все время всхрапывали и старались повернуть вниз по течению, но люди не давали сделать им этого и быстро плыли наискось. Снесло их далеко, но минут через пятнадцать все они благополучно выбрались на берег.

Расспросив разведчиков, Лазо узнал, что большая кавалерийская часть противника стоит в одном из казачьих поселков верст на шесть выше по течению. Нап-

ротив же дацана находится только сторожевая застава численностью в двадцать — тридцать человек.

— Ну что же, товарищ Метелица, — сказал тогда Лазо. — Обстановка для переправы самая подходящая. Давайте готовьтесь. С вами остается Василий Андреевич, а я должен спешить в Оловянную. Там мы будем форсировать реку в два часа ночи. К этому времени я надеюсь услышать в тылу у семеновцев хорошую перепалку. Она будет сигналом для нашей атаки.

— Все сделаем, товарищ Лазо, — заверил его Метелица, а Богомяков добавил:

— Можете на аргуңцев положиться. Не подведем.

Вернувшись в Оловянную, Лазо вызвал к себе Бородавкина. Тот доложил, что у него все подготовлено для броска через Онон. Матросы запаслись веревками и крючьями, чтобы перебраться по взорванным фермам на уцелевшую часть моста, а сейчас тренируются на развалинах железнодорожного депо.

— Сколько у вас ручных пулеметов? — спросил Лазо.

— Двенадцать штук.

— Пулеметчики должны перебраться за реку одними из первых. От них зависит будет успех всей этой рискованной операции. Либо мы закрепимся там, либо нас сбросят в воду. Раз установлено, что против нас стоят офицерские роты, значит, бой будет трудным.

Чтобы отвлечь внимание противника от моста, Лазо приказал черемховскому и канскому отрядам, стоявшим выше по течению, начать демонстративную переправу на своем участке. Скоро там завязалась ожесточенная орудийная и пулеметная стрельба.

Стояла темная облачная ночь. Несмолкаемо шумел Онон, перекатывая черную воду через взорванные, наполовину затонувшие фермы. Ровно в час ночи к мосту подошел отборный отряд матросов. Дожидавшийся их Лазо спросил у Бородавкина, все ли в порядке, и, получив утвердительный ответ, тихо сказал:

— Пора начинать.

Четыре коренастых мускулистых матроса, сняв сапоги и бушлаты, с кинжалами в зубах осторожно спустились в воду и пропали в густой темноте. Они должны были, не поднимая шума, заколоть семеновских часовых на той стороне. Выждав десять минут, следом за ними повел пулеметчиков Бородавкин. Лазо крепко пожал ему руку, шепотом сказал:

— Держитесь во что бы то ни стало.

Прошло еще десять томительных минут. Все было по-прежнему тихо. Мокрые с головы до пят разведчики, одолев все препятствия, как кошки, без малейшего шума подобрались к семеновским часовым и расправились с ними. Затем они помогли перебраться на уцелевшую половину моста пулеметчикам. Достигнув берега, пулеметчики быстро залегли, приготовились к стрельбе.

Один из разведчиков несколько раз дернул протянутую через реку веревку, извещая Лазо, что все в порядке. И тогда Лазо лично повел через фермы остальных матросов, ежеминутно рискуя свалиться в черную, гневно клокочущую воду. Когда добрались до середины реки, пробиравшийся следом за ним матрос поскользнулся, ударился головой о какую-то железную балку, и, не охнув, не вскрикнув, пошел на дно.

В три часа, когда на правом берегу уже накопилось человек полтора-два матросов, семеновцы, наконец, почувяли неладное и открыли бешеную стрельбу по мосту. Лазо пустил тогда в небо одну за другой две красных ракеты, и тотчас же красногвардейские батареи ударили по высотам, занятым семеновцами. Матросы поднялись, как один человек, и с криками «ура» кинулись к черневшим впереди окопам предмостного укрепления, ворвались в них, прокладывая себе дорогу гранатами и штыками.

А в четыре часа на юго-востоке, в тылу противника, началась беспорядочная стрельба. Это подавали весть о себе аргунцы. Семеновцы дрогнули и начали отступать.

Василий Балябин

ТРЕВОЖНЫЙ АВГУСТ

(ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА «ЗАБАЙКАЛЬЦЫ»)

В это утро командующий Восточно-Забайкальским фронтом Сергей Лазо пришел в свой служебный вагон раньше обычного. Ему предстояло просмотреть донесения, оперативную сводку штаба фронта за минувший день, подписать приказы и многое другое, что приходилось ему делать ежедневно.

Хмурится Сергей Георгиевич, морщит высокий лоб, одолеваемый тяжкими думами. И чего, казалось бы, расстраиваться командующему, когда все идет у него

хорошо, когда войска его продолжают успешно развивать наступление по всему фронту и уже близок день окончательного разгрома белых. И тем не менее тревожился Лазо не напрасно, ибо положение в области резко изменилось в худшую сторону для революционных войск и молодой Советской власти, об этом сообщили ему минувшей ночью по прямому проводу из Забайкальского областного Совета и Центросибиря. В первой депеше говорилось о том, что грозные события назревают в Чите. Еще в мае этого года читинским чекистам удалось раскрыть в городе контрреволюционный заговор, арестовать его штаб — несколько офицеров. Но в ЧК понимали, что это не все, что город кишит агентами Семенова, диверсантами. Их вылавливали, судили, расстреливали по ночам за городом, а они, казалось, и не убывали. А где-то в глубоком подполье зрел еще более крупный заговор, об этом свидетельствовали и разбираемые по городу листовки, призывающие «русских людей» восставать против «жидовской власти, уничтожать большевиков», и диверсионные акты на складах, на железнодорожных путях, и летучие отряды каких-то банд, появлявшихся то тут, то там в окрестностях Читы. Нити заговора тянулись в другие города, села области и к руководителям тайных «вольных дружин», а кое-где в станицах 2-го отдела из казаков 1-го Читинского полка (тех самых, что, не признавая Советскую власть, разошлись по домам с оружием в руках) уже создавались боевые группы; они уходили на дальние заимки, в тайгу, накапливали силы, ожидая сигнала к наступлению. Но самую-то худшую весть принесла вторая депеша: из Центросибиря сообщали о восстании против Советской власти бывших военнопленных чехословаков, что сорокатысячный корпус мятежников двинулся на восток, опасность разгрома Советов нависла над Забайкальем. Далее говорилось о том, что Лазо отзывается на Прибайкальский фронт, взамен отстраненного от командования Голикова.

Дать отпор почти вдесятеро сильнейшему врагу, задержать его, используя для этого туннели Кругобайкальской железной дороги, — такова задача, которую предвидел Сергей Лазо, было над чем ему призадуматься. Он еще раз перечитал зловещую депешу и, потрянув головой, словно отгоняя от себя мрачные мысли, принялся дописывать приказ. В одном из пунктов этого приказа Лазо поздравлял казаков 1-го и 2-го Аргунских полков

и отряд красной кавалерии Петрова-Тетерина с одержанной ими победой при взятии штурмом сильно укрепленной высоты Тавын-Тологой, объявляя благодарность руководившему этой операцией Фролу Балябину.

Перечитав весь приказ, Лазо вписал в него еще один пункт, в котором он прощался с красногвардейцами, казаками и бойцами интернациональных отрядов, благодарил их за геройство, стойкость и верность делу революции, призывал на новые ратные подвиги под красным знаменем большевистской партии. Этот пункт Лазо закончил словами: «Я же, согласно телеграфного распоряжения Центросибири и решения Забайкальского областного исполнительного комитета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, сего числа отбываю на Прибайкальский фронт. Восточно-Забайкальский фронт отныне будет именоваться Даурским. Командующим Даурским фронтом назначается Фрол Емельянович Балябин».

Смена командующего фронтом произошла без всяких формальностей, комиссий и прочей волокиты, практиковавшейся до сего времени в подобных случаях, все произошло чрезвычайно просто и быстро. Еще не успела обсохнуть роса, утренней свежестью дышала природа, донося до станции пряные запахи донника, дикого клевера и шалфея, которыми изобилуют ковыльные даурские степи, а Лазо уже был готов к отъезду. На первом пути, напротив небольшого вокзала, густо дымил красноколесный паровоз с прицепленным к нему единственным классным вагоном.

Подошел взвод красногвардейцев, личная охрана Лазо. Гремя котелками и винтовками, они сразу же начали производить посадку, радехонькие, что ехать придется не в телячьем, а в настоящем пассажирском вагоне.

Вместе с Лазо отправлялись на Прибайкальский фронт два его адъютанта — начальник штаба Руские и командир 1-го Аргунского казачьего полка Зиновий Метелица. Вызванный с фронта Метелица прибыл утром с десятком своих казаков. Как всегда, подтянутый, стройный, одетый в неизменную гимнастерку защитного цвета, широкие шаровары с лампасами, в которых ходил, еще будучи есаулом, он сразу же явился к Лазо.

— Честь имею явиться! — гаркнул он, кинув правую руку к козырьку фуражки и пристукнув каблуками.

— Здравствуй, Зиновий Петрович! — Лазо вышел

из-за стола навстречу командиру аргунцев, поздоровался с ним за руку и тут же предложил ему поехать вместе в Прибайкалье. На вопрос, согласен ли он, Метелица не задумываясь ответил:

— Ваше дело приказать, товарищ командующий, а я привык исполнять приказы без всяких разговоров.

— Приятно слышать такое.— Сумрачное лицо Лазо озарилось теплой улыбкой.— Признаться, другого ответа я и не ожидал, хотя и знаю, что нелегко расставаться с аргунцами, верно?

— Верно,— подавив тяжкий вздох, признался Метелица, и темное облачко грусти омрачило энергичное, всегда веселое лицо боевого командира, а голос его зазвучал по-необычному глухо, подавленно,— пятнадцать лет в этом полку, свыкся. И казаков покидать жалко, и коня моего Ваську, другого такого-то уже не будет. А может, разрешите, Сергей Георгиевич, взять его с собой? Ведь и там конь-то мне потребуется, разрешите?

И столько было мольбы и в голосе, и в серых отчаянных глазах Метелицы, что и у Лазо дрогнуло сердце, не смог отказать в этой просьбе, согласился.

— Спасибо, Сергей Георгиевич!— воскликнул сразу повеселевший Метелица.— А может, и казаков разрешите прихватить, которые со мной приехали? Их всего десять человек, но ребята такие, что целого взвода стоят, а под них и под коней всего два вагона потребуется.

— Можно,— согласился Лазо,— только быстрее пусть собираются.

— Какие у казаков сборы, не успеет стриженная девка косы расплести.

Метелица вихрем сорвался с места, помчался к своим казакам.

Проводить Лазо и отъезжающих с ним товарищей пришли вместе с Флором Богомягков, Киргизов и новый командир 1-го Аргунского полка, бывший прапорщик-аргунец Василий Бронников.

Уже все готово было к отъезду, казаки прицепили к классному вагону еще две теплушки с поставленными в них конями и даже травы натаскать в них успели, чтобы было чем кормить лошадей в дороге, да и самим-то ехать удобнее, растянувшись на мягкой душистой кошенине. Из паровозной будки выглядывает машинист, ожидая сигнала к отправке, а Лазо все еще не может расстаться со своими соратниками, с которыми сдружил-

ся он за эти боевые, героические месяцы на фронте. Они окружили его, только теперь полностью осознав, как дорог им был Лазо, которого они уважали как начальника, как друга, искренне сожалея, что он от них уезжает. И времени остается мало, а сказать надо еще много, потому и спешит Метелица и говорит что-то Бронникову, сует ему исписанные листки из блокнота и еще что-то пишет. Киргизов слушает, что наказывает ему Рускис, согласно кивает головой, а сам глаз не сводит с бывшего командующего. Больше всех говорит Лазо и то тербит за рукав Богомягова, то хлопнет по плечу Балябина, а то угрюмо молчит, лишь изредка вставляя в разговор и свое слово; с грустной улыбкой смотрит на отъезжающего друга Георгий Богомягов.

Как и его боевые друзья, в царской армии Лазо был всего-навсего прапорщиком, и само собой разумеется, что, став командующим фронтом, он не имел для этого достаточных воинских знаний и опыта, но, будучи человеком недюжинных способностей, он обладал прекрасным качеством организатора и сумел сколотить боевой, дружный командный коллектив. В этом главная заслуга Сергея Лазо, это помогло ему справиться с обязанностями командующего фронтом, успешно решать стоящие перед ним задачи. Об этом и говорил он сегодня при прощании.

— Мы как бы дополняли один другого,— говорил он своим друзьям,— это был один боевой, дружный коллектив, без которого я не мог бы командовать фронтом. Я руководил вами, товарищи, но и учился у вас. Вы воспитали меня идейно, приняли в ряды партии большевиков, спасибо вам за это, сердечное спасибо! Уезжая от вас, я уверен, что передал командование фронтом в надежные руки, а вы, мои боевые товарищи, будете так же хорошо помогать новому командующему, как это было при мне. Врагов мы рано или поздно одолеем, и будет, товарищи, праздник на нашей улице, будет.

Глянув на хмурые лица Фрола и Богомягова, он обвел провожающих озорным, веселым взглядом и речь свою неожиданно закончил шуткой:

— И у Богомягова на свадьбе погуляем, не век же ему воевать да агитацией заниматься, и у Фрола Емельяновича на крестинах барыню спляшем!

Словно солнце в пасмурный день выглянуло из-за туч, и все вдруг переменилось: ожило, засверкало. Повеселевшие командиры задвигались, заулыбались и еще

теснее окружили Лазо. А он, торопливо пожимая им руки, говорил на прощанье:

— А пока будем бить всех и всяческих врагов в хвост и в гриву. До свидания, товарищи, до свиданья!

Последнее слово Лазо крикнул, уже стоя на подножке вагона, когда тронулся поезд. Позади него стояли на площадке Метелица, Рускис и человек пять красногвардейцев, они тоже что-то кричали, мелькали их руки и шапки. Провожающие ответно махали фуражками, шагая рядом с поездом, пока он, все больше увеличивая скорость, не оторвался от них и скрылся за водокачкой.

Грустные думы снова обуревали Фрола, когда он возвращался к себе в служебный вагон, с ума не шло сегодняшнее сообщение Центросибири. Он прекрасно понимал, какие грозные тучи собираются над Советским Забайкальем; а люди устали от войны, они сражаются героически, надеясь, что скоро покончат с семеновщиной и смогут побывать дома. А теперь все это рухнет, насмарку пойдут нынешние победы, мятежники помогут белым захватить власть в области. Придется уходить в подполье, собирать новые силы, и борьба будет еще более ожесточенной, потому что большевики, революционный народ не сложат оружия, пока не добьются победы над силами контрреволюции.

* * *

Слишком поздно вступил Сергей Лазо в командование Прибайкальским фронтом. К этому времени передовые части мятежного корпуса чехов уже подходили к станции Мысовой, за ними лавиной двигались остальные многочисленные их эшелоны. Возможность задержать мятежников в ущельях и туннелях Кругобайкальской дороги была безнадежно упущена. Теперь вести с ними бой приходилось в открытой местности, при чудовищно неравном отношении сил. У Лазо, даже после того как прибыл к нему из Читы отряд горняков Николая Зыкова, не было и четырех тысяч бойцов против сорока чехословацких, но обстоятельства вынуждали его принимать неравный бой. Надо было во что бы то ни стало задержать чехов, чтобы руководители Советского Забайкалья успешнее подготовились к эвакуации Читы. Хорошо понимали это и красногвардейцы, потому-то и бились они с таким отчаянным упорством, сдерживая крупные силы врага.

Поначалу советским войскам помогало то, что бой

с ними вели лишь передовые отряды чехов, но их силы непрерывно возрастали, с запада подходили новые и новые эшелоны, и в бой вступали свежие их части, и все-таки измотанные боями красные отряды рабочих героически дрались за каждую станцию, за каждую высоту. Отступая, они взрывали за собой мосты, портили железнодорожные линии, и, пока чехи исправляли повреждения, закреплялись на новых позициях и снова вступали в бой...

* * *

26 августа все советские организации, отряды Красной гвардии отступили на восток, до станции Урульга. С запада к Чите подходили эшелоны частей Прибайкальского фронта, почти последним прибыл бронепоезд, на котором находился командующий фронтом Сергей Лазо. Позади него шел лишь небольшой состав с подрывной командой, они на большом расстоянии испортили железнодорожную линию, взорвали несколько мостов.

Красногвардейские эшелоны, не задерживаясь в Чите, проследовали дальше, а сам Лазо задержался, чтобы выступить на митинге, организованном рабочими Читы-первой. Таких митингов Лазо провел уже несколько, разъяснял истинное положение дел, предостерегал от паники.

Лазо со своим адъютантом и командиром бронепоезда шел по Преображенской улице и повсюду видел расклеенные на заборах и на стенах домов воззвания к населению Забайкалья. «Советы в Чите гибнут. Да здравствуют Советы во всем мире!» — гласили заголовки, набранные крупными буквами на серой оберточной бумаге.

Никогда не бывало на станции Урульга такого скопления поездов, воинских частей и областных учреждений, как в эти последние дни августа 1918 года. Избы большого поселка переполнены военными и штатскими постояльцами, хотя большинство этих людей разместилось в вагонах и палатках, что густо раскинулось за околицей.

Здесь было решено созвать конференцию военных, советских и партийных представителей, чтобы определить судьбу власти, армии и дальнейшей борьбы с контрреволюцией.

Провести конференцию наметили 27 августа, но ее пришлось отложить на один день, потому что не подошел

еще со своим штабом командующий Даурским фронтом Балябин. По полученным отсюда сведениям, Балябин демобилизовал казаков 1-го и 2-го Аргунских полков, пехотный полк Павла Журавлева и теперь с остатками своих войск был где-то на полдороге к Урульге. При этом он точно так же, как и Лазо, рвал за собой мосты, портил железнодорожную линию.

С. С. Киргизов

ХОДИЛИ МЫ ПОХОДАМИ

После падения летом 1918 года Советской власти открытая вооруженная борьба в Забайкалье прекратилась.

Урульгинская конференция ответственных партийных и военных руководителей Восточной Сибири и Забайкалья вынесла решение ликвидировать военные фронты и продолжать борьбу в подполье.

Красногвардейцы были распущены по домам. Но активистам борьбы на Даурском фронте дома сидеть не пришлось: карательные мероприятия семеновцев оказались направленными, в первую очередь, против них. Это вынуждало людей оставлять свой дом, семью, хозяйство и скрываться в лесах или среди сочувствующего Советской власти населения.

В октябре — декабре 1918 года из числа этих людей, скрывавшихся от карателей, стали создаваться лесные коммуны, из которых в Восточном Забайкалье особенно выделялась Алтагачанская коммуна.

Природные условия верховьев Талангуя и Курунзулая, сочувствие и помощь местного населения в значительной степени благоприятствовали укреплению этой коммуны. Она служила как бы местом сбора для разрозненных сил. Кому грозила опасность попасть в руки карателей — тот бежал к нам и находил безотказный приют. Душой этой коммуны были активные бойцы Даурского фронта из числа железнодорожников и рабочих золотых приисков; среди организаторов немало было большевиков.

Угроза коммуне со стороны семеновских карательных отрядов, разгул контрреволюционного террора против местного населения, а также продовольственный кризис настоятельно толкали нас на активное выступление.

Предварительно обсудили этот вопрос на партгруп-

пе, наметили ближайшей целью большое село Курунзулай, в расчете на деятельную поддержку населения.

На общем собрании коммунаров меня выбрали командиром. Выстроились, подняли красный флаг. В строю оказалось 70 человек, некоторые — без винтовок. Запасов никаких. Но все же в приподнятом настроении двинулись в конном строю в намеченное село. Это было 28 марта 1919 года.

* * *

Мы вошли в Курунзулай. Но сколько ни митинговали, ни убеждали на общем собрании, курунзулаевцы не проявили особого стремления примкнуть к нам. Видимо, они не надеялись на наш успех, а кроме того, боялись расправы со стороны семеновцев. Курунзулай пришлось оставить.

Мы пошли в направлении Онон-Борзинской станицы, заняли ее, арестовали станичного атамана — ярого белогвардейца — и расположились бивуаком в Борзинской долине. Дальше идти было некуда; скрываться в лесу мы тоже больше не могли. Надо было действовать. Все понимали, что от нашего первого успеха зависело — пойдет ли за нами народ или нет.

Оставленная в Курунзулае разведка в полночь сообщила, что Курунзулай занят двумя сотнями 3-го семеновского полка, указала квартиры офицеров, расположение пулеметов. Решено было сделать налет. И вот 29 марта, на заре, мы атаковали противника, перебили офицеров, захватили две сотни казаков с винтовками, пулемет и много патронов. С нашей стороны один боец был ранен.

После такого удачного выступления не потребовалось большой агитации. Население Курунзулая и ближайших сел поголовно встало в наши ряды, вооружалось, доставая спрятанные после ликвидации Даурского фронта винтовки и патроны. В течение двух-трех дней мы сформировали четыре сотни численностью свыше пятисот бойцов. Был организован штаб, хозчасть, трибунал для фильтрации взятых в плен семеновцев.

После формирования и организации учреждений мы двинулись на Александровский Завод. В этом крупном селе жили, в основном, бывшие ссыльные. Здесь мы сформировали еще две сотни. Численность нашего отряда выросла до тысячи вооруженных всадников.

Когда мы заняли Александровский Завод, поступило

донесение, что со станции Борзя на подавление восстания выступил 3-й семеновский полк в полном составе под командой полковника Войлошникова. Белые жестоко расправились с курунзулаевцами и заняли деревню Маньково, в 18 километрах от Александровского Завода. Одновременно стало известно, что из Нерчинска по долине Талангуя движется отряд семеновской пехоты, которая заняла деревню Клин, в 15 километрах от нас.

Главной для нас опасностью был полк Войлошникова. Решили с ним сразиться, но в дневном бою деревню Маньково взять не удалось. Пришлось отходить. Неудача этого дня заставила нас изменить тактику: вместо попыток разгрома противника, решили сосредоточить основное внимание на сохранении сил и увеличении численности отряда, тем более, что белые энергично преследовали нас. Отходя и отбиваясь от наседающего противника, мы выслали вперед отборную сотню для организации населения на отпор врагу.

Мы совершили длительный отход в глубь тайги, ведя непрерывные бои. Массу вновь примкнувших к нам по пути отхода людей из Тайны, Хомяков, Зерена, Култумы и других мест нужно было организовать, привести в порядок, дать им передохнуть.

В Аркинской станице, куда противник не посмел идти за нами, мы все это с успехом проделали. На одном из заседаний штаба было решено произвести реорганизацию отряда. Если раньше у нас подразделения подчинялись непосредственно командующему, то теперь решили создать четыре полка. Перестроили штаб. Командующим выбрали П. Н. Журавлева, начальником штаба — меня, политическую работу возложили на Бородину, а снабжение — на С. П. Зарубина.

После двухнедельного отдыха в Будюмкане в конце апреля мы приступили к боевым операциям. Небольшая часть 4-го полка была двинута вверх по реке Аргуни с целью помочь населению подняться на борьбу с белыми. Остальными же силами мы двинулись на Нерчинский Завод.

К началу наступления на Нерчинский Завод к основным силам подтянулся и 4-й полк, значительно пополненный бойцами с Аргуни. Таким образом, к моменту операций мы располагали четырьмя кавалерийскими полками, насчитывавшими до трех тысяч человек.

На совещании командного состава в деревне Галузиной было решено овладеть Нерчинским Заводом и лик-

видировать засевших в нем семеновцев. Рано утром со всех сторон мы пошли в атаку, сбили передовые части противника, заняли окружающие Нерчинский Завод сопки. Но взять его не смогли, так как ружейный огонь с гор никакого вреда врагу не причинил. К ночи пришлось покинуть горы и отойти на Большой Зерентуй.

Через некоторое время семеновцы, получив подкрепление, окружили нас. Стремясь отрезать нас от богдатских лесов, противник утром повел наступление с трех сторон. К концу дня мы вынуждены были выходить из окружения тремя группами. 1-й полк во главе с Журавлевым через хребет вышел на Газимурский Завод, где разгромил отряд семеновской пехоты, взял пленных и стал спешно отходить вниз по Газимуру.

Вторая группа, прорвав фронт противника на Георгиевском направлении, отходила на Аргунь, третья — по Урову. В результате этого отхода все части сосредоточились на Урове, куда противник не в состоянии был протащить свои орудия, дававшие ему перевес над нами.

* * *

Примерно в середине мая перед нами оказались два хорошо вооруженных семеновских полка. Мы решили дать бой, пользуясь тем, что остальные части противника, увлекшись преследованием нашего 1-го полка, были далеко. Сил у нас было достаточно для разгрома врага при условии одновременного и согласованного удара. Но этого не получилось.

Когда 1-й полк под командованием Матафонова двигался к месту боя с низовьев Аргуни, семеновцы, перехватив его под Убиенной, открыли огонь. Люди разбежались, оставив на месте до десяти человек убитыми. Полк вышел из строя и в бою не участвовал. 4-й полк встретил противника раньше, чем предполагалось, и вынужден был принять бой в деревне Башурово, не дождавшись поддержки других частей.

Группа, наступавшая с верховьев Аргуни, не успела к началу боя и к деревне подошла уже к вечеру, когда стало темнеть и наступать без поддержки других частей было рискованно, тем более, что в тыл из Нерчинского Завода двигалась какая-то часть противника.

Башуровский бой наглядно показал, насколько важны связь и координация действий наступающих частей.

После неудачного боя за Башурово в наших частях проявилась известная деморализация, численность резко

сократилась. Этому в значительной степени содействовали и провокаторы, которые при общем революционном подъеме народа затесались к нам и в критическую минуту оказали разлагающее влияние на неустойчивые элементы.

При сложившихся обстоятельствах наступательных операций вести было невозможно, в пору было лишь обороняться. Необходимо было привести себя в порядок. Для этого мы заняли захолустную деревушку Юхту, состоявшую из 12 дворов. Там мы с неделю отдохнули, не тревожимые противником, и после этого опять приступили к активным действиям. 24 июня с боем снова заняли Богдаты, ставшую столицей партизан.

Сюда мы стянули все свои части. Пришел и 1-й полк, разгромленный белыми под Убиенной. Требовалось навести должный порядок в частях. Командиру 1-го полка Матафонову грозило самое суровое наказание. Однако, учтя его преклонный возраст, мы ограничились смещением его с должности. Командир 2-го полка А. Зарубин тоже подлежал замене.

На 1-й полк вместо Матафонова выдвинули талантливого организатора Макара Якимова. На 2-й полк вместо А. Зарубина назначили Абрама Федорова.

Я уже сказал, что наши силы значительно уменьшились за счет убыли людей из 3-го и 4-го полков. Но зато в моральном отношении отряд заметно окреп. Малознательные элементы отсеялись. Бойцы в Юхте отдохнули и снова готовы были к активным операциям.

Противник делал неоднократные попытки наступления на Богдаты, но каждый раз после контрудара отходил с большими для него потерями. В одной из таких стычек мы захватили у семеновцев одно горное орудие.

Богдаты представляет собой естественную и удобную оборонительную позицию. Семеновцы, как правило, наступали с двух сторон: по реке Урюмкану и с Хомяков. Колонны их наступали разрозненно, без всякой взаимной связи и поддержки и неизменно терпели поражение. Несмотря на это, двадцатидневная стоянка в Богдате вызвала недовольство части партизан. Начались митинги, партизаны начали настаивать на выступлении, не выдвигая определенной цели.

Эта напряженная обстановка разрядилась сама собой в связи с событиями в 1-м семеновском полку. Полк стоял на отдыхе в деревне Грязной, на расстоянии 50 километров от нас. В ночь с 14 на 15 июля восставшие

солдаты перебили офицеров и в полном боевом порядке под командой хорунжего Чугуевского перешли на сторону партизан. Этот случай, как обухом по голове, ударил семеновцев. Они спешно очистили Нерчинский Завод, взорвали боеприпасы и отступили на Калгу в Доно.

Мы решили в полной мере использовать создавшееся положение и начали энергично преследовать уходящих семеновцев. По дороге нам встретился восставший полк, который мы включили в свой состав как 5-й полк.

В Доно противник остановился и, получив подкрепление, укрепился на занятых позициях. Наше наступление было отбито.

После боя за Доно и на Газимуре мы на опыте убедились, что без артиллерии на открытой местности воевать очень трудно.

Под напором свежих сил противника, подкреплённых полевой артиллерией, в августе 1919 года мы вынуждены были в третий раз отходить в таежные места — в свою столицу Богдаты.

Все население района наших действий встало в ряды партизан. В Богдаты пришло много народу, в том числе беженцы, вынужденные спасаться от расправы семеновцев. Пришел к нам и Талангуевский отряд, названный в порядке номеров 6-м полком, пополнились 3-й и 4-й полки до нормального состава. Все это свидетельствовало о том, что наши силы значительно укрепились как количественно, так и качественно.

Нельзя было с такими большими силами сидеть в Богдаты и только обороняться. Надо было переходить к активным действиям, расширять зону нашего влияния.

С этой целью мы выделили 3-й полк под командованием Швецова и направили на Шилку, где население еще не было вовлечено в движение. Появление нашего отряда на Шилке и прекращение пароходного сообщения между Сретенском и Амуром, рост партизанского движения во все новых и новых районах встревожили белых и японское командование. Было решено ввести в действие японские регулярные части и нанести удар, прежде всего, по нашей Шилкинской группе. Только отдельные работники смогли прибыть к нам в штаб и доложить о случившемся. Вся же остальная масса народа, в том числе и наш 3-й полк, оказались отрезанными от главных наших сил и вынуждены были потом уйти на Амурскую железную дорогу.

В двадцатых числах сентября белые и японцы нача-

Это была демоверсия книги - Фортпост на Востоке: литературно-художественный и историко-публицистический сборник

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34